

ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ НА ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ И ЗАПРОС НА ПЕРЕМЕНЫ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

НАТАЛИЯ ВАЛЕРЬЕВНА ЛАТОВА,

Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия,

e-mail: myshona@rambler.ru

Цитирование: Латова Н.В. (2021). Влияние образования на политическое участие и запрос на перемены в современной России // *Journal of Institutional Studies* 13(4): 112–125. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.112-125

В статье проверяется базирующаяся на концепте постиндустриального общества гипотеза, что люди с более высоким образованием будут более политически активны, особенно в проявлении запроса на перемены. Для этого на материалах общероссийского опроса, организованного в марте 2021 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН, анализируются социально-политические характеристики, связанные с политическим активизмом и формированием запроса на перемены у разных образовательных групп россиян. Сделан вывод, что, во-первых, образование в современной России действительно прямо влияет на подготовленность индивида к политическим действиям: более образованные россияне больше интересуются политической жизнью страны и лучше осознают свои возможности влиять на «правила игры». Во-вторых, образование действительно прямо влияет на реальную вовлеченность в общественно-политический активизм. Однако в отношении осознанного политического участия этот эффект касается не столько повседневно-регулярных, сколько экстремально-протестных его форм. В-третьих, образование россиян не имеет заметной корреляции с наличием/отсутствием у них либерального запроса на перемены. В целом по выполнению минимальных требований для политического участия российские образовательные группы в настоящее время соответствуют теории западного политологического мейнстрима и практикам развитых стран. Тем не менее, выделенные особенности политических характеристик россиян с высшим и поствысшим образованием (не все рассмотренные показатели устойчивы в динамике, не все различия между образовательными группами ярко выражены, к тому же в целом участие высокообразованных россиян в политической жизни страны довольно формально) подводят к необходимости более пристального изучения наработок не только западного научного мейнстрима, но и альтернативных концепций исследователей третьего мира. Кроме этого, высказывается предположение о недоформированности и незавершенности эмансипации от государства группы высокообразованных россиян до осознания ими своего объективно главного места и ведущей роли в политической жизни.

Ключевые слова: образование; общественно-политический активизм; политические ориентации; запрос на перемены; политическая включенность

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект «Социальная трансформация российского общества: акторы запроса на перемены» № 19-011-00277.

POLITICAL PARTICIPATION AND REQUEST FOR CHANGE: THE ROLE OF EDUCATION

NATALIYA V. LATOVA,

*Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia,
e-mail: myshona@rambler.ru*

Citation: Latova N.V. (2021). Political participation and request for change: The role of education. *Journal of Institutional Studies* 13(4): 112–125. DOI: 10.17835/2076-6297.2021.13.4.112-125

The article tests the hypothesis, based on the concept of post-industrial society that people with higher education will be more politically active, especially in the manifestation of the demand for change. For this purpose, the materials of the All-Russian poll, organized in March 2021 by the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, are used to analyze the sociopolitical characteristics associated with political activism and the formation of a demand for change among different educational groups of Russians. The conclusion is made that, first, education in modern Russia does directly affect an individual's preparedness for political action: more educated Russians are more interested in the political life of the country and are more aware of their ability to influence the "rules of the game". Second, education does directly affect actual involvement in social and political activism. However, concerning conscious political participation, this effect relates not so much to everyday, regular, as to its extreme protest forms. Third, the education of Russians has no discernible correlation with the presence/absence of a liberal demand for change. In terms of meeting the minimum requirements for political participation, Russian educational groups currently correspond to the Western political science mainstream theory and the practices of developed countries. Nevertheless, the highlighted features of the political characteristics of Russians with higher and post-higher education (not all of the examined indicators are stable in dynamics, not all differences between educational groups are clearly expressed, and, in general, the participation of highly educated Russians in the political life of the country is rather formal) lead to the need for a more careful study of the findings not only of the Western scientific mainstream but also of alternative concepts of Third World researchers. In addition, it has been suggested that the emancipation of a group of highly educated Russians from the state is incomplete. Consequently, they are aware of their objectively central place and leading role in political life.

Keywords: *education; interest in political life; social and political activism; political orientations; request for change; political involvement*

Acknowledgement: *This article has been prepared with financial support from the Russian Foundation for Basic Research under Project No. 19-011-00277, Social transformation of the Russian society: the actors of the request for changes.*

JEL: *I26, Y80, E71, J24*

Постиндустриальный сдвиг, который постепенно происходит в масштабах как глобальной цивилизации в целом, так и конкретно в России, имеет несколько измерений. Чаще всего основное внимание обращают на появление качественно новых технологий. Гораздо важнее, однако, отслеживать формирование нового класса профессионалов, которому предстоит, согласно теории «грядущего постиндустриального общества», стать доминирующим и постепенно абсорбировать все другие социальные группы, завершив тем самым «историю борьбы классов» (см., например, (Латов, Тихонова, 2021)). Это формирование обычно рассматривают лишь в социально-экономическом ключе, концентрируя внимание на росте знаний и доходов высококвалифицированных работников со средним специальным и высшим образованием.

Однако для понимания акторности этой социальной группы не менее важно анализировать ее *социально-политические* характеристики, связанные с ожидаемым превращением «креативного класса» в ведущую политическую силу. Применительно к России речь идет об участии людей с высоким образованием в формировании и реализации так называемого запроса на перемены как одной из форм политического участия.

Постановка исследовательской задачи и теоретико-методологическая рамка

Термин «перемень», широко используемый в современном российском общественном дискурсе (включая социологические опросы), формально означает любые существенные изменения, не обязательно ведущие к качественному изменению «правил игры». Однако общий социально-политический контекст использования этого понятия с 1980-х гг. таков, что он однозначно связан в сознании россиян с *радикальными* институциональными изменениями, «взрывающими» традиционные социально-экономические и политические правила, диктуемые властями. За последние несколько лет данное понятие трансформировалось в дискурс «запроса на перемены», который широко распространен как в СМИ, так и в академической литературе.

Впервые понятие «запрос на перемены», согласно поисковой системе Интерфакс СКАН¹, появилось в российской прессе в 1998 г. в высказываниях В.В. Петухова и Л.Г. Бызова о предстоящих президентских выборах 2000 г.: «Запрос на перемены, инициируемый самой дееспособной частью общества, еще далек до окончательного политического оформления»². До 2010 г. в средствах массовой информации (печать и вещание, Интернет и блоги) федерального уровня упоминания данного понятия были единичными. Однако с 2011 г. они учащаются, а с 2016 г. стали применяться массово: в 2016 г. – 288 упоминаний, в 2017 г. – 705, 2018 г. – 900, 2019 г. – 1239, 2020 г. – 1907 и за первую половину 2021 г. – 376. Это свидетельствует не только о «вирусности» нового мема, но и о растущей актуальности обозначаемого им явления.

Одновременно с публикациями в СМИ данная тема стала регулярной и в различных исследовательских работах. Зачастую в центр их внимания попадает лишь сам факт формирования в общественном мнении массового запроса на перемены в стране (Мерзликин, Ростовская, 2018; Дмитриев и др., 2018; Мамонов, Гаврилов, Вядро, 2018; Медушевский, 2019). Впрочем, в других публикациях тема запроса на перемены углубляется и рассматривается более комплексно (Волков и др., 2017, 2019, 2020; Петухов, Петухов, 2019).

Если сгруппировать академические исследования последних лет, соотнеся их с определенной долей условности с классификацией теорий революции, предложенной П. Штомпкой (Штомпка, 1996: 376–386), то можно сделать вывод, что российские исследователи активно работают по всем направлениям. Например, в рамках «бихевиористского» направления, акцентирующего внимание на экономических факторах, изучается влияние на запрос на перемены социально-экономического положения современных россиян (Латова, 2021). Политический подход отражен в исследованиях приверженности россиян различным идеологиям, формирующим ключевые характеристики общественного мнения относительно желаемого будущего страны (Латов, 2019; Бызов, 2019). Также встречаются публикации, в которых запрос на перемены рассматривается с других ракурсов, например, в контексте социально-психологических факторов (Латова, 2019). Наконец, к структурным теориям относятся наработки, связанные с разными социальными группами. К этому направлению тяготеет анализ политических ценностей российского среднего класса (Mareeva, Ross, 2020), осознания «самодостаточными россиянами» невозможности изоляции частной жизни от политических решений действующей власти (Петухов, 2020b), восприятия ситуации в стране представителями основных религиозно-мировоззренческих групп россиян (Мчедлова, Кофанова, 2020), а также актуализации в молодежной среде запроса на перемены, роста ее гражданской активности (Петухов, 2020a). В целом же в отечественной литературе доминирует структурная точка зрения, при которой один из ключевых вопросов –

¹ Интерфакс СКАН (<https://scan-interfax.ru> – Дата доступа: 22.07.2021)

² Электротат покладистее, чем народ // *Общая газета*. 9 апреля 1998 г.

какие группы являются или могут стать актором запроса на перемены. Наша работа также будет относиться к данному направлению.

Поиск социальных групп, претендующих на звание потенциальных акторов перемен, показывает популярность среди россиян ожиданий активной позиции со стороны молодежи, малоимущих и представителей среднего класса (Волков, Колесников, 2019: 8; Петухов, Петухов, 2019: 122). По сути, речь идет о трех важных факторах, в той или иной мере связанных с формированием запроса на перемены, – возраст, благосостояние и образование. В рамках нашего исследования сконцентрируем внимание на образовательном факторе.

В целом роль образования в протестном поведении трактуется в академической литературе однозначно: в зарубежных источниках много подтверждений тому, что высокообразованные *чаще принимают активное участие* в политике, включая, в частности, и протестную деятельность. Но существуют и публикации, утверждающие, что образование при определенных обстоятельствах *не играет значительной роли*.

В литературе, придерживающейся первой из вышеуказанных позиций о степени значимости образования, оно уже давно, еще в прошлом веке, попадало в тройку наиболее важных предикторов как политического активизма в целом, так и протестного потенциала (например, (Verba et al., 1978; March, Kaase, 1979; Алмонд, Верба, 2014)). Не следует полагать, что данная позиция устарела. Современные научные работы все так же ставят во главу угла уровень образования участников протестной деятельности и свидетельствуют о преждевременности выводов, будто высокое образование перестало быть значимой характеристикой протестующих (например, (Van Aelst, Walgrave, 2001; Winters, 2009; Wennerhag, 2017; Saunders, Shlomo, 2021)).

Вторая точка зрения, указывающая на отсутствие положительной связи образования с участием в политической жизни страны, заметно менее популярна, но также имеет своих сторонников. В этом случае подчеркивается, что первой точки зрения придерживаются исследователи богатых либеральных демократий, в то время как в развивающихся странах ситуация зачастую выглядит диаметрально противоположно. При наличии некоторых общих тенденций (политическая осведомленность, поддержка демократии), в странах с электоральными авторитарными режимами представители более образованной группы могут сознательно отказываться от участия в политической жизни страны вследствие того, что оно не вносит существенного вклада в политический процесс (Stoke et al., 2016). Аналогичные особенности отмечаются у более образованных граждан в разных развивающихся странах, хотя их причина все еще остается предметом дискуссий (например, (Friedman et al., 2016; Datzberger, Le Mat, 2019)).

Что же касается данных по политической (в том числе протестной) активности россиян с разным уровнем образования, то имеющаяся по этой проблеме информация крайне противоречива. В большинстве отечественных академических публикаций по протестной активности фактор образования рассматривается в связке с возрастом (анализируются студенты и молодежь), что не дает возможности делать какие-либо определенные выводы относительно образованных россиян в целом. В то же время ряд выводов по гражданскому участию скорее свидетельствует, что образование пока еще не играет существенной роли в социально-политической сфере (например, (Горшков, Трофимова, 2016; Уханова, 2018)). Эмпирические данные тоже не дают однозначного ответа о значимости образования для формирования запроса на перемены. Например, в исследованиях Московского Центра Карнеги за 2017 г. россияне с высшим образованием характеризуются как сторонники *незначительных* перемен (Волков, Колесников, 2017), однако в 2019 г. тот же коллектив исследователей определил эту группу как приверженцев *радикальных* перемен (Волков, Колесников, 2019). Впрочем, результаты недавних опросов, относящихся к 2021 г., свидетельствуют скорее о прямой зависимости между желанием радикальных реформ во многих областях и уровнем образования³, а также показали, что доля митингующих с законченным высшим образованием значительно превысила их долю по стране⁴.

³ Социальные настроения. Стабильность и реформы. Об изменениях в жизни страны и семьи в ближайшем и отдаленном будущем // ФОМ. (<https://fom.ru/Nastroeniya/14543> – Дата доступа: 22.07.2021)

⁴ Зотова Н. Много новичков, не всегда за Навального: ученые изучили протесты в России в начале года // BBC News. (<https://www.bbc.com/russian/news-58143585> – Дата доступа: 22.07.2021)

Итак, существующие российские теоретические и эмпирические наработки о связи уровня образования и политической активности не проливают свет на роль образованных граждан в политических процессах, а также в формировании запроса на перемены. Возможно, разброс в оценках следует трактовать как результат недавнего резкого роста политизации в среде образованных россиян? Или образование вообще не значимо в российских социально-политических реалиях? Наконец, насколько российские реалии вписываются в западный теоретический мейнстрим? Попытаемся ответить на эти вопросы, выбрав в качестве объекта изучения россиян с разным уровнем образования, а в качестве предмета – их социально-политические характеристики, связанные с политическим активизмом и формированием запроса на перемены.

Эмпирической базой исследования стали данные всероссийского опроса «Российское общество в условиях пандемии: год спустя», проведенного по репрезентативной выборке в марте 2021 г. Институтом социологии ФНИСЦ РАН. Опрос охватил 2000 россиян в возрасте от 18 лет, жителей всех типов поселений и территориально-экономических районов РФ, представлявших основные социально-профессиональные группы населения. Среди них было 375 человек с образованием не выше полного общего среднего, 961 со средним специальным или незаконченным высшим, а также 664 с высшим и поствысшим образованием. Использовались данные и ряда других исследований, которые осуществлялись по аналогичной с исследованием 2021 г. модели выборки с использованием однотипных вопросов (показателей).

Подготовленность россиян с разным уровнем образования к политическому активизму

Определяя потенциальную роль той или иной группы в политической сфере, необходимо первоначально выяснить ее заинтересованность и осведомленность в этой сфере, которые характеризуются как наличием интереса к политической жизни в стране в целом, так и видением своих возможностей в этой области. Эту характеристику часто называют *политической включенностью*.

Более высокий уровень образования несомненно накладывает сильный отпечаток на включенность в информационное поле в сфере политики (табл. 1). Россияне с высшим и поствысшим образованием в 2 раза чаще остальных россиян концентрируют свое внимание на политических событиях страны. Среди них менее 30% признаются в полном отсутствии интереса к политической жизни, в то время как среди россиян с более низким образованием таковых свыше 40%.

Таблица 1

Интерес россиян с разным уровнем образования к политической жизни страны, %

Проявления интереса к политике	Образование		
	Не выше полного общего среднего	Среднее специальное или незаконченное высшее	Высшее и поствысшее
Внимательно следят за информацией о политических событиях в стране и мире	13,6	14,5	25,3
Внимательно за информацией о политических событиях не следят, но изредка обсуждают их с друзьями, родственниками	43,2	43,9	47,7
Политикой не интересуются	43,2	41,6	27,0

Интерес к политике напрямую связан с тем, насколько граждане страны чувствуют себя включенными в процесс принятия решений по ключевым вопросам окружающей их жизни. В современных российских условиях закономерно, что в целом россияне не очень верят в наличие у них возможностей влиять на политику государства (табл. 2). Тем не менее, среди граждан страны

с более высоким уровнем образования крайне негативные настроения по этому поводу (ответ «безусловно нет») встречаются заметно реже (46,4% против 60% среди тех, у кого образование не превышает полное общее среднее, и 54,9% со средним специальным и незаконченным высшим).

Таблица 2

Мнения россиян с разным уровнем образования об их возможностях влиять на политику властей разного уровня, %

Наличие возможностей влиять на политику	Образование		
	Не выше полного общего среднего	Среднее специальное или незаконченное высшее	Высшее и поствысшее
На политику государства в целом			
Безусловно да	2,4	3,5	2,6
Скорее да	8,3	6,6	10,4
Скорее нет	29,3	35,0	40,7
Безусловно нет	60,0	54,9	46,4
На политику региональных властей			
Безусловно да	2,4	1,4	2,1
Скорее да	10,7	11,8	18,2
Скорее нет	32,0	39,5	40,1
Безусловно нет	54,9	47,3	39,6
На политику муниципальных (городских) властей			
Безусловно да	2,7	2,2	3,8
Скорее да	15,7	17,0	24,4
Скорее нет	28,8	37,3	36,3
Безусловно нет	52,8	43,6	35,5

В то же время, чем ближе уровень власти, тем больше уверенности в том, что на нее можно оказать хоть какое-то влияние, – такова общая тенденция во мнениях разных групп россиян. Впрочем, уверенность в наличии рычагов влияния растет не равномерно. У россиян с высшим и поствысшим образованием уверенность в способности каким-либо образом (ответы «безусловно да» и «скорее да») влиять на политику муниципальных властей отличается от аналогичного показателя на уровне государства в целом в 2,2 раза, у россиян со средним специальным и незаконченным высшим – в 1,9 раза, а у тех, чье образование не превышает полного общего среднего, – только в 1,7 раза.

Итак, образование непосредственно влияет на подготовленность к активным действиям в сфере политики. Более образованные россияне лучше разбираются в перипетиях политической жизни страны и, что немаловажно, осознают наличие у них возможностей менять «правила игры». Правда, такие возможности они видят скорее на муниципальном уровне, чем на региональном и тем более на государственном. Тем не менее, именно эта группа россиян имеет на данный момент более значительные базовые ресурсы (знания и уверенность в своих силах), чтобы выступать актором политической активности, включая формирование запроса на перемены.

Отметим, что обе отмеченные особенности полностью соответствуют мировым трендам. Так, согласно Г. Алмонду и С. Вербе, информационная осведомленность и уверенность в способности влиять на властные структуры сильно зависят от образования независимо от политической истории и текущего контекста политической жизни разных стран (Алмонд, Верба, 2014: 418). Правда, анализ динамики этих характеристик показывает, что в мировой мейнстрим тенденции политизации высокообразованных россиян вписываются с некоторой оговоркой. Так, в России соотношение политической информационной осведомленности разных образовательных групп, судя по всему, довольно стабильно (похожая картина наблюдалась, например, в октябре 2018 г., хотя с тех пор в целом среди россиян интерес к политике снизился). Что же касается уверенности в способности влиять на властные структуры, то лидерство представителей

высокообразованных граждан страны сформировалось не так давно. Сравнение с данными за октябрь 2017 г. свидетельствует, что россияне со временем все меньше верят в возможности повлиять на происходящее вокруг. Тем не менее, среди россиян с высшим и поствысшим образованием темпы роста такого разочарования пока ниже, чем у остальных образовательных групп.

Участие россиян в общественно-политической жизни страны в зависимости от уровня их образования

Следующий важный аспект в понимании позиции и роли образованных россиян в политической сфере – их *участие в общественно-политической деятельности (гражданский активизм)*. Рассмотрим, отличаются ли представители этой социальной группы от всех остальных граждан страны с точки зрения гражданского активизма в целом, а также выбора определенных его форм.

Общая картина общественно-политического активизма свидетельствует в пользу значимости фактора уровня образования (табл. 3). Действительно, если среди россиян с образованием не выше полного общего среднего, а также среднего специального и незаконченного высшего в общественно-политической жизни страны не участвует каждый второй, то среди россиян с высшим и поствысшим образованием таковых лишь чуть больше трети (37%). Кроме того, общее среднее количество выборов форм участия в общественно-политической жизни страны среди россиян с высшим и поствысшим образованием (1,4 выбора) заметно превышает аналогичный показатель в двух остальных группах (менее одного выбора). Причем данная закономерность наблюдается во всех выделенных нами типах участия. Таким образом, полученная картина общественно-политической активности высокообразованных россиян так же, как и в предыдущем разделе, соответствует общемировым трендам. Однако и в этом вопросе наблюдаются определенные особенности.

У наиболее образованных россиян популярнее всего такие виды участия в общественно-политической жизни страны, как участие в выборах (49,1%) и обсуждение политических событий с близким окружением (30,6%). Также в определенной мере это касается участия в выборных компаниях (10,8%) и в благотворительных и волонтерских движениях (6,8%), в деятельности профсоюзов (6,3%), поддержания связей с единомышленниками посредством Интернета (6,2%) и в общественном самоуправлении по месту жительства (5,1%). Практически все описанные виды активизма носят либо не политический характер, либо являются самыми элементарными формами политического участия в жизни страны.

Что же касается более осознанных форм политического активизма, то в них в целом включена небольшая доля россиян, но и здесь *более образованные граждане страны оказываются и более активными*. Если проранжировать политический активизм россиян с высшим и поствысшим образованием, то складывается следующая иерархия: участие в общественно-политических акциях (3,3%), участие в публичных слушаниях, в подаче обращений, петиций (2,9%), работа в выборных органах местного самоуправления (2%), участие в деятельности правозащитных организаций (1,1%), участие в работе политических партий (0,9%).

Данная картина вскрывает две важные особенности целенаправленного политического активизма россиян с высшим и поствысшим образованием. Во-первых, наблюдается предпочтение протестных форм над повседневным участием в политической жизни страны. Во-вторых, если обратить внимание на участие в работе политических партий, то данный вид активизма среди наиболее образованных россиян не просто мало популярен, но практикуется даже реже, чем среди остальных граждан страны. Это – единственный вид участия в общественно-политической жизни вообще, где наблюдается скорее обратная зависимость с уровнем образования респондентов. Обе особенности характеризуют высокообразованных россиян как граждан, не заинтересованных в политической деятельности на постоянной основе и/или не уверенных в эффективности легитимных форм участия.

Таблица 3

Участие россиян с разным уровнем образования в общественно-политической жизни страны в течении последних года-полутора лет, % (допускалось неограниченное количество ответов, отранжировано по россиянам с высшим и поствысшим образованием)

Формы участия в общественно-политической жизни страны	Образование		
	Не выше полного общего среднего	Среднее специальное или незаконченное высшее	Высшее и поствысшее
Участие в разного рода общественных неполитических организациях			
Участие в благотворительных и волонтерских движениях	2,4	3,2	6,8
Участие в деятельности профсоюзной организации	2,7	2,8	6,3
Участие в общественном самоуправлении по месту жительства	2,1	3,5	5,1
Участие в работе общественных организаций по защите окружающей среды, культурного и исторического наследия	1,6	1,4	3,9
Участие в молодежных, студенческих объединениях	1,3	1,4	2,0
Участие в религиозных (конфессиональных) организациях	0,3	0,5	0,9
<i>Среднее количество выборов</i>	0,1	0,1	0,3
Поддержание политически ориентированных коммуникаций			
Обсуждение политических событий с друзьями, коллегами по работе, учебе	14,4	21,6	30,6
Поддержка связи с единомышленниками в социальных сетях, на форумах в Интернете	2,9	5,2	6,2
<i>Среднее количество выборов</i>	0,2	0,3	0,4
Политический активизм повседневного характера			
Участие в выборах, голосованиях в качестве избирателя	36,5	34,3	49,1
Участие в выборных кампаниях в качестве наблюдателя, агитатора, сборщика подписей и т.п.	3,5	4,4	10,8
Работа в выборных органах местного самоуправления	1,1	1,0	2,0
Участие в деятельности правозащитных организаций	1,1	0,3	1,1
Участие в работе политических партий	1,6	1,5	0,9
<i>Среднее количество выборов</i>	0,4	0,4	0,6
Протестная активность			
Участие в общественно-политических акциях (митингах, демонстрациях и т.п.)	1,3	2,0	3,3
Участие в публичных слушаниях, в подаче обращений, петиций в органы власти и т.п.	1,6	1,8	2,9
<i>Среднее количество выборов</i>	0,0	0,0	0,1
<i>Общее среднее количество выборов</i>	0,7	0,8	1,4
Никакого участия в общественно-политической жизни не принимают	52,5	50,5	37,0

В основном аналогичные тенденции и особенности наблюдались в среде высокообразованных россиян и при опросе в октябре 2018 г., хотя тогда обратной зависимости между образованием и участием в работе политических партий не наблюдалось. При этом в целом общественно-политический активизм россиян за 2018–2020 гг. понизился за исключением тех форм, которые связаны с поддержанием политически ориентированных коммуникаций. Самое заметное расширение такого рода коммуникаций проявилось у россиян с высшим и поствысшим образованием.

Политические ориентации россиян с разным уровнем образования

Все вышесказанное свидетельствует, что россияне с высшим и поствысшим образованием являются особыми политическими акторами – более компетентными и более активными в целом, хотя и не проявляющими особой заинтересованности в участии на постоянной основе в политической жизни страны. Однако эти характеристики сами по себе не связаны с политическими ориентациями, которые и определяют суть запроса на перемены.

Если рассматривать запрос на перемены посредством прямого закрытого вопроса, построенного на противопоставлении таких понятий как «перемены» и «стабильность», то следует сделать вывод о крайне незначительном влиянии уровня образования россиян на формирование требований проведения экономических и политических реформ в обществе (рис. 1)⁵. За период почти в 20 лет россияне с высшим и поствысшим образованием оказались несколько более всех остальных граждан критически настроены к существующему в российском обществе миропорядку лишь единожды – летом 2019 г.

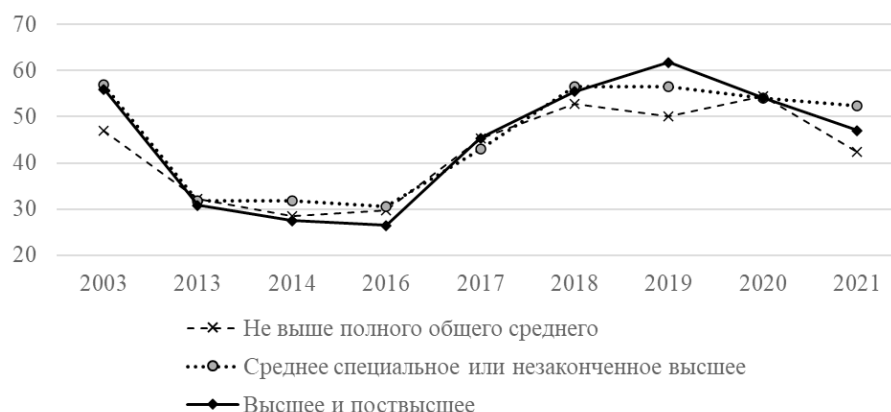

Рис. 1. Доля россиян с разным уровнем образования, считающих, что страна нуждается в существенных переменах, новых экономических и политических реформах, 2003–2021 гг., %

Еще лучше понять отношение к переменам в их либеральной коннотации поможет изучение видения будущего представителями разных образовательных групп (табл. 4). Предложенные респондентам суждения были подобраны таким образом, чтобы отразить наиболее популярные идеи различных политических направлений. В частности, либеральный дискурс был представлен тремя суждениями – относительно демократии, рынка и партнерства с Западом.

Всех россиян вне зависимости от образования роднит приверженность идее социальной справедливости как доминирующей в образе будущего (порядка 50% представителей каждой образовательной группы). К этой идее примыкает (хотя и с разной степенью актуализации) идея демократии, которая наиболее популярна как раз среди россиян с высшим и поствысшим образованием (38,3%). Казалось бы, либеральный дискурс «запроса на перемены» более близок

⁵ В 2021 г. в анкете задавался вопрос «Каково Ваше мнение о необходимости перемен в жизни страны?», на который предлагалось выбрать ответ из двух вариантов: первый – «Страна нуждается в существенных переменах, нужны новые реформы в экономической и политической жизни страны» и второй – «Страна нуждается в стабильности, это важнее, чем перемены». В разные годы анкетный вопрос, на основе которого выделяются сторонники перемен и приверженцы стабильности, формулировался немного по-разному, но каждый раз в паре полярных суждений присутствовал смыслообразующий маркер «перемены».

более образованным россиянам. Однако третье место среди предпочтений высокообразованных россиян занимают идеи национальных традиций и сильной власти. Обе эти идеи (особенно, идея консервации национальных традиций) относятся к разряду идей, оппозиционных либерализму. Что же касается других либеральных идей, то среди россиян с высшим и поствысшим образованием, придерживающихся идеи демократии, только 18,8% полагают важной для будущего России идею рынка и лишь 13,1% выступают за партнерство с Западом. В то же время доля среди этих россиян последовательных сторонников либерального запроса на перемены (демократия + рынок + партнерство с Западом) составляет лишь 4,4%! Таким образом, во взглядах наиболее образованной группы россиян нет идеологической системности. Что касается других образовательных групп, то такого рода идейный микс им также не чужд, хотя и в несколько меньшей степени.

Таблица 4

**Представления россиян с разным уровнем образования
о желаемом будущем России, % (допускалось до 3-х ответов, отранжировано
по россиянам с высшим и поствысшим образованием)***

Политические ориентации	Образование		
	Не выше полного общего среднего	Среднее специальное или незаконченное высшее	Высшее и поствысшее
Социальная справедливость	52,5	48,9	53,2
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	37,3	40,6	44,9
Сохранение национальных традиций, моральных и религиозных ценностей, проверенных временем	29,3	31,5	38,3
Сильная власть, способная обеспечить порядок и развитие в стране	26,1	30,3	35,7
Россия должна снова стать великой державой	30,1	27,6	22,9
Ограничение социальных неравенств и социального расслоения	20,3	20,1	19,4
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	17,6	13,9	16,9
Активный партнер Запада, современных развитых стран, гарант устойчивого «общеевропейского дома»	12,8	16,0	13,3
Россия в первую очередь для русских	13,9	11,7	12,2

* Темным фоном выделены ячейки, в которых показатель превышает 30%.

Отсутствие системности идеологических предпочтений среди россиян уже фиксировалось ранее в академических исследованиях (см., например, (Латов, 2019)). При этом отмечалась высокая степень взаимосвязи приверженности идеям демократии и запроса на перемены. Однако в нашем случае среди россиян с высоким уровнем образования и демократическим видением будущего России никакого ярко выраженного запроса на перемены не наблюдается, скорее даже наоборот: 47,4% выступают за перемены, а 52,6% – за стабильность.

Что касается динамических изменений, то такой сплав разнородных идеологических идей – в целом характерная черта высокообразованных россиян. Разница лишь в том, что, например, в 2018 г. вместо идеи сильной власти на третье место в рейтинге предпочтений попадала близкая идея державности.

Отмеченные особенности политических ориентацией россиян с разным уровнем образования дают основания предположить, что группа высокообразованных россиян в идеологических предпочтениях ничем особо не выделяется на фоне остальных групп. Более высокая доля

представителей этой группы среди участников протестной активности, таким образом, – скорее всего, результат более активной жизненной позиции в целом.

Заключение

Подведем итог анализа социально-политических характеристик современных россиян для проверки основанной на концепте постиндустриального общества гипотезы, что люди с более высоким образованием будут политически более активны, особенно в проявлении запроса на перемены.

Основные выводы можно изложить в трех тезисах.

– *Образование* в современной России действительно *прямо влияет на подготовленность* индивида к политическим действиям: более образованные больше интересуются политической жизнью страны и лучше осознают свои возможности влиять на «правила игры» (пусть в основном на муниципальном уровне, чем на региональном и тем более государственном).

– *Образование* действительно *прямо влияет на реальную вовлеченность в общественно-политический активизм* (например, лучше образованные с большей вероятностью будут членами какой-нибудь организации и чаще вовлекаются в политические дискуссии). Однако в отношении осознанного политического участия этот эффект касается не столько повседневно-регулярных, сколько экстремально-протестных его форм.

– *Образование* индивида *не имеет заметной корреляции с наличием/отсутствием* у него либерального запроса на перемены (повышении демократии, усилении рыночных начал, сокращения конфронтации с Западом), и даже само желание перемен (не обязательно либеральных) среди высокообразованных россиян встречается в целом не чаще, чем в других образовательных группах.

Что касается политических ориентаций высокообразованных россиян, то, с теоретической точки зрения, хотя содержание политического участия никак не определяется образованием (Алмонд, Верба, 2014: 420), вместе с тем было бы логичным ожидать наличия у более образованных россиян, во-первых, системности политических взглядов и, во-вторых, большей ориентации на либеральные ценности, т.е. наличие запроса на перемены. Тем не менее, хотя *высокообразованные россияне сильнее включены в политическую жизнь и более политически активны, однако по сформированности и артикулированности своих политических симпатий/антипатий они не отличаются от менее образованных.*

Следует учесть, что не все рассмотренные показатели были устойчивы в динамике (особенно это касается уверенности в возможностях влиять на политику властей разного уровня). Далеко не все различия между образовательными группами были ярко выраженными, к тому же в целом участие высокообразованных россиян в политической жизни страны довольно формально (например, хотя россияне с высшим и поствысшим образованием участвуют в выборах чаще остальных россиян, но даже среди них таковых только 49,1%!).

В целом по соотношению минимальных требований для политического участия российские образовательные группы на данный момент соответствуют теории западного мейнстрима и практикам развитых стран. Тем не менее, выделенные особенности политических характеристик россиян с высшим и поствысшим образованием в итоге подводят к идее более пристального изучения наработок не только западного научного мейнстрима, но и не вписывающихся в него работ исследователей стран третьего мира. Например, логичным видится предположение, что более образованные граждане сознательно выбирают уход из политической сферы в условиях электорального авторитаризма.

Полученные выводы хорошо коррелируют с выводом предшествующих отечественных исследований, что на современных российских профессионалов, которые в значительной степени (но не полностью) совпадают с высокообразованными россиянами, необходимо смотреть не на как сформировавшийся хотя бы в первом приближении социальный класс, а как лишь на социальную базу формирования нового класса. «Это – “класс-в-себе”, который объективно недоформирован. Вопрос в том, каковы долгосрочные тенденции развития профессионалов как

прото-класса “постиндустриалов” – происходит ли постепенное усиление тех признаков, которые считаются для них базовыми... или имеет место их ослабление» (Латов, Тихонова, 2021: 20).

Повышение политической акторности россиян с высоким образованием наталкивается к тому же, как и во многих странах догоняющего развития, на незавершенность эмансипации этой социальной группы от государства. Очень высокая доля россиян с высоким образованием объективно и субъективно «привязаны» к институциональной системе, где «государство сильнее, чем общество», и потому воспроизводят априорный политический лоялизм. Конечно, более высокие уровни политической включенности и политической вовлеченности рано или поздно приведут и к росту политической самостоятельности. Но когда и как это в России произойдет, пока прогнозировать трудно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алмонд Г., Верба С. (2014). *Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах*. М.: Мысль. [Almond G.A., Verba S. (2014). *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Moscow: Mysl' Publ. (In Russian).]
- Бызов Л.Г. (2019). Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет. Три этапа трансформации общественного сознания // *Россия XXI* (3): 6–25. [Byzov L.G. (2019). The Dynamics of Ideological and Political Preferences for 25 Years. Three Stages of Transformation of Social Consciousness. *Rossiia XXI* (3): 6–25. (In Russian).]
- Волков Д., Колесников А. (2017). Мы ждем перемен. Есть ли в России массовый спрос на изменения? М.: Московский Центр Карнеги. (<https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906> – Дата доступа: 30.10.2021). [Volkov D., Kolesnikov A. (2017). We're Waiting for Change. Is there a mass demand for changes in Russia? Moscow: Moskovskij Centr Karnegi. (<https://carnegie.ru/2017/12/05/ru-pub-74906> – Access Date: 30.10.2021). (In Russian).]
- Волков Д., Колесников А. (2019). Мы ждем перемен – 2. Почему и как формируется спрос на радикальные изменения. М.: Московский Центр Карнеги. (<https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> – Дата доступа: 30.10.2021). [Volkov D., Kolesnikov A. (2019). We're Waiting for Change – 2. Why and how demand for radical changes is formed. Moscow: Moskovskij Centr Karnegi. (<https://carnegie.ru/2019/11/06/ru-pub-80273> – Access Date: 30.10.2021). (In Russian).]
- Волков Д., Колесников А., Левинсон А. (2020). Альтернативы для России: каким видят будущее страны сторонники и противники перемен. М.: Московский Центр Карнеги. (<https://carnegie.ru/2020/11/09/ru-pub-83153> – Дата доступа: 30.10.2021). [Volkov D., Kolesnikov A., Levinson A. (2020). How Proponents and Opponents of Political Change See Russia's Future. Moscow: Moskovskij Centr Karnegi. (<https://carnegie.ru/2020/11/09/ru-pub-83153> – Access Date: 30.10.2021). (In Russian).]
- Горшков М.К., Трофимова И.Н. (2016). Образование как фактор и ресурс гражданского участия и демократического развития общества // *Социологическая наука и социальная практика* (1): 5–19. [Gorshkov M.K., Trofimova I.N. (2016). Education as a Factor and Resource of Civic Participation and Democratic Development of Society. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* (1): 5–19. (In Russian).]
- Дмитриев М.Э., Никольская А.В., Белановский С.А., Черепанова Е.В. (2018). Осенний перелом в сознании россиян: мимолетный всплеск или новая тенденция? М. (<https://crawler.link/file/6022529> – Дата доступа: 30.10.2021). [Dmitriev M.E., Nikolskaya A.V., Belanovsky S.A., Cherepanova E.V. (2018). Autumn break in the minds of Russians: a fleeting surge or a new trend? Moscow. (<https://crawler.link/file/6022529> – Access Date: 30.10.2021). (In Russian).]
- Дмитриев М.Э., Белановский С.А., Никольская А.В. (2018). Признаки изменения общественных настроений и их возможные последствия. М.: Комитет гражданских инициатив. (<https://komitetgi.ru/news/news/3902> – Дата доступа: 30.10.2021). [Dmitriev M.E., Belanovsky S.A., Nikolskaya A.V. (2018). Signs of changing public sentiment and their possible consequences. Moscow: Komitet grazhdanskih iniciativ. (<https://komitetgi.ru/news/news/3902> – Access Date: 30.10.2021). (In Russian).]

- Латов Ю.В. (2019). Идеологические векторы и скаляры действий сторонников перемен // *Социологические исследования* (12): 15–28. [Latov Yu.V. (2019). Ideological Vectors and Scalars of Action for Proponents of Change. *Sotsiologicheskie issledovaniya* (12): 15–28. (In Russian).]
- Латов Ю.В., Тихонова Н.Е. (2021). Новое общество – новый ресурс – новый класс? (К 60-летию теории человеческого капитала) // *Terra Economicus* 19(2): 6–27. [Latov Y.V., Tikhonova N.E. (2021). A new society, a new resource, a new social class? (60th anniversary of the human capital theory). *Terra Economicus* 19(2): 6–27. (In Russian).]
- Латова Н.В. (2021). Социально-экономическое положение акторов запроса на перемены // *Социологическая наука и социальная практика* 9(2): 7–26. [Latova N.V. (2021). Socio-Economic Status of the Actors of the Request for Changes. *Sociologicheskaya nauka i social'naya praktika* 9(2): 7–26. (In Russian).]
- Латова Н.В. (2019). Акторы запроса на институциональные перемены в современной России (социально-психологический контекст) // *Journal of Institutional Studies* 11(3): 119–134. [Latova N.V. (2019). The Actors of the Request for Institutional Changes in Modern Russia (the Socio-Psychological Context). *Journal of Institutional Studies* 11(3): 119–134. (In Russian).]
- Мамонов М.В., Гаврилов И.В., Вядро М.А. (2018). Имитационные характеристики президентских выборов 2018 г. и их влияние на следующий электоральный цикл: результаты опросов общественного мнения // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены* (4): 124–147. [Mamonov M.V., Gavrilov I.V., Vyadro M.A. (2018). Imitational features of the 2018 presidential elections and their impact on the next electoral cycle: results of public opinion polls. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny* (4): 124–147. (In Russian).]
- Медушевский А.Н. (2019). Конституция и социальный запрос на изменения в современном российском обществе // *Сравнительное конституционное обозрение* 128(1): 21–41. [Medushevsky A.N. (2019). The Constitution and social demand for change in contemporary Russian society. *Sravnitel'noe konstitucionnoe obozrenie* 128(1): 21–41. (In Russian).]
- Мерзликин Н.В., Ростовская Т.К. (2018). Неопределенность и риски российской реальности: запрос на перемены // *Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение* 23: 71–79. [Merzlikin N.V., Rostovskaya T.K. (2018). Uncertainty and Risks of Russian Reality: Demand for Change. *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedenie* 23: 71–79. (In Russian).]
- Мчедлова М.М., Кофанова Е.Н. (2020). Россия в ожидании перемен: религиозный фактор и социально-политические предпочтения // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология* 22(1): 7–21. [Mchedlova M.M., Kofanova E.N. (2020). Russia in Anticipation of Changes: Religious Factor and Socio-political Preferences. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya* 22(1): 7–21. (In Russian).]
- Петухов В.В. (2020(a)). Российская молодежь и ее роль в трансформации общества // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* (3): 119–138. [Petukhov V.V. (2020). Russian Youth and Its Role in Society Transformation. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny* (3): 119–138. (In Russian).]
- Петухов Р.В. (2020(b)). Запрос на перемены: политико-ценностное измерение. // *Полис. Политические исследования* (6): 103–118. [Petukhov R.V. (2020). The Request for Change: Political and Value Dimension. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (6): 103–118. (In Russian).]
- Петухов В.В., Петухов Р.В. (2019) Запрос на перемены: причины актуализации, ключевые слагаемые и потенциальные носители // *Полис. Политические исследования* (5): 119–133. [Petukhov V.V., Petukhov R.V. (2019). Request for Change: Factors and Causes of its Actualization, Key Components, and Potential Carriers. *Polis. Politicheskie issledovaniya* (5): 119–133. (In Russian).]
- Уханова Ю.В. (2018). Российская интеллигенция: образование как фактор формирования гражданской позиции // *Интеллигенция и мир* (1): 72–90. [Ukhanova Yu.V. (2018). Russian intelligentsia: education as a factor in the formation of civic position. *Intelligenciya i mir* (1): 72–90. (In Russian).]

- Штомпка П. (1996). Социология социальных изменений. М.: Аспект-Пресс. [Sztompka P. (1996). The Sociology of Social Change. Moscow: Aspect Press. (In Russian).]
- Croke K., Grossman G., Larreguy H.A., Marshall J. (2016). Deliberate disengagement: how education can decrease political participation in electoral authoritarian regimes. *American Political Science Review* **110**(3): 579–600.
- Datzberger S., Le Mat, M. L.J. (2019). Schools as change agents? Education and individual political agency in Uganda. *International Journal of Educational Development* **67**: 18–28.
- Friedman W., Kremer M., Miguel E., Thornton R. (2016) Education as Liberation? *Economica* **83**(329): 1–30.
- Mareeva S., Ross C. (2020). The Political Values of the State and Private Sectors of the Russian Middle Class. *Demokratizatsiya: The Journal of Post-Soviet Democratization* **28**(4): 565–594.
- March A., Kaase M. (1979). Background of political action. In S.H. Barnes, M. Kaase (eds.) Political action: Mass participation in five Western democracies. London: Sage, pp. 97–136.
- Saunders C., Shlomo N. (2021). A new approach to assess the normalization of differential rates of protest participation. *Qual Quant* **55**: 79–102.
- Van Aelst P., Walgrave S. (2001). Who is that (wo)man in the street? From the normalisation of protest to the normalization. *European Journal of Political Research* **39**: 461–486.
- Verba S., Norman H.N., Jae-On K. (1978). Participation and Political Equality. New York: Cambridge University Press.
- Wennerhag M. (2017). Patterns of Protest Participation Are Changing. *Sociologisk Forskning* **54**(4): 347–351.
- Winters M.S. (2009). Explaining Variation in the Structural Correlates of Protest Participation. *APSA 2009 Toronto Meeting Paper*. (<https://ssrn.com/abstract=1451152> – Access Date: 30.10.2021).